

Глава 6. Делает вид, что ему всё равно

Цзян Тан думал, что если, рискуя блевануть, съест ещё два плода, то громила наконец поймёт намёк и уйдёт. Но, очевидно, он слишком много ждал.

Наевшись, Цзян Тан не хотел даже шевелиться. Он распластался, раздув живот, как лепёшка, и собирался устроиться поудобнее, чтобы спокойно переварить съеденное.

Но у Сян Сина были свои планы. Он был благодарен Цзян Тану за то, что тот насытил его тысячетелный голод по виду чужой еды, и решил отплатить ему тем, что покажет красивые места.

Языка друг друга они не понимали, к тому же у Сян Сина с головой было не очень, и толком объяснить, что он собирается делать, он не мог. Поэтому пришлось действовать. Он осторожно подхватил с земли звериную лепёшку, устроил на ладони, медленно поднялся и пошёл в темноту.

Для Цзян Тана всё это ощущалось так, будто его сначала огрели по голове молотом, потом схватили щипцами за загривок и швырнули на американские горки. В тот миг, когда Сян Син выпрямился, зверёк просто взмыл в воздух.

— Умф! — хотел было возмутиться он, но Сян Син боялся, что зверёк начнёт вырываться и упадёт с его ладони. Поэтому сверху тут же опустилась вторая ладонь, огромная, как веер, и накрыла Цзян Тана с головой.

«...»

Ну вот. Американские горки въехали в тоннель. Кругом чернота.

Одно Цзян Тан уже понял: злого умысла у громилы не было, просто действовал он грубовато. Раз опасности для жизни нет, он решил не сопротивляться и использовать эту ладонь как кровать с одеялом. Снова распластался лепёшкой и даже довольно задрыгал короткими лапками.

Пересекая мёртвую пустошь и перевалив через старый город, окружённый горами, Сян Син нёс Цзян Тана в глубокую долину. По пути они вспугнули огромные рои дремавших в запустении светлячков и понеслись дальше под дождём зелёных звёздных огоньков.

Лежавший на ладони Цзян Тан резко сел.

Светлячки!

Сначала перед его глазами пролетел один огонёк, потом другой, а затем ещё и ещё. Зеленоватые точки одна за другой оживали в темноте. Здесь не было ни солнечного света, ни луны, ни звёзд, но были живые искры, заполнявшие собой весь этот мрачный мир.

Он ткнулся головой в ладонь, нависшую сверху, и высунул наружу половину мордочки. Светлячки у дороги, похоже, ощутили какой-то очень притягательный запах и не выдержали — потянулись к нему.

— Как вкусно пахнет. Что это?

— Это он.

— Я именно за этим запахом сюда и прилетел!

— И я тоже, но потом он исчез.

— Так хочется подобраться ближе, от него так хорошо пахнет.

— Запах сильный. Он ещё не оправился от ран?

— Как страшно! Почему он вместе со злым духом?

— Фу, ненавижу злых духов.

— Какое мерзкое ощущение... А где второй злой дух?

— Не пришёл.

— И хорошо, тот ещё страшнее.

— ...

Чем ближе подлетали светлячки, тем отчётливее их едва слышные голоса складывались для Цзян Тана в понятные слова. Их было слишком много, они налетели слишком быстро, и в один миг его со всех сторон окружил поток мягких голосов, наперебой что-то обсуждавших.

Ощущение было настолько странным, что на миг ему показалось, будто он сам стал частью природы, вбирая в себя все эти звуки, несущиеся к нему со всех сторон. Но не успел он и слова сказать светлячкам, как те в испуге разлетелись, пронесли мимо его глаз и исчезли, словно одна за другой погасшие кометы.

Что это вообще было?

Почему он понимал, что говорят светлячки? До этого он ведь понимал и язык муравья. Это врождённый инстинкт этого тела? Если так, то что он вообще такое? И почему светлячки хотели к нему подлететь — потому что он им нравился или по какой-то другой причине?

И ещё — злые духи...

Цзян Тан посмотрел на громилу в маске. На лбу у того тянулся шрам. Он ещё не зажил, но крови из него не шло, словно это была только что нанесённая, но уже странным образом обработанная рана. Таких шрамов на его теле было множество. Когда тот прошлой ночью заставлял его есть плоды, Цзян Тан тайком долго рассматривал его. Всё тело громилы было исполосовано шрамами — глубокими и неглубокими, жуткими на вид.

Тогда Цзян Тан ещё подумал: если на теле столько ран, а он всё равно двигается так свободно и будто вовсе не чувствует боли, можно ли вообще считать его человеком? И вот светлячки дали ему ответ.

Злой дух... значит?

Цзян Тан тряхнул головой, будто хотел вытряхнуть из неё слова светлячков.

Нет, не злой дух. Пусть громила и выглядит страшновато, но он не причиняет вреда тем, кто перед ним, не собирает его есть. Какой же он тогда злой дух?

Пока он размышлял, Сян Син уже принёс зверька туда, куда любил приходить больше всего.

Это была глубокая долина с отвесными стенами, уходящими вниз, будто рассечёнными ножом. Так же как и снаружи, здесь всё было мертво. Несколько иссохших деревьев сгнили до такого состояния, что походили на обнажившиеся кости, и зловеще торчали в чёрной долине, растопырив ветви к нависшему небосводу, словно когти, выползшие из преисподней.

Но не только деревья. В долине повсюду лежали бесчисленные белые кости. Даже без света они слабо мерцали — одна за другой, сломанные, переплетённые, наваленные друг на друга.

Из глубины тянуло тяжёлым, гнилостным воздухом, и от первого же вдоха Цзян Тана едва не вывернуло.

Что это за кошмарное место? И он так долго тащил его сюда только ради того, чтобы показать эти горы костей?!

Цзян Тан хотел было возмущённо пискнуть, но едва раскрыл рот, как вдохнул этот гнилой воздух, и его и без того переполненный желудок тут же перевернулся. Ещё чуть-чуть — и его бы стошнило.

Но Сян Син, конечно, не понимал, насколько плохо сейчас зверьку.

— Сяо Бай, смотри, — радостно сказал он, указывая на прыгающие над костями зелёные огоньки фосфорного пламени, словно на группу маленьких духов, весело играющих в горах.

Да что он опять несёт?!

Слова «Сяо Бай» уже так въелись в голову Цзян Тана, что скоро начали бы мерещиться ему во сне. С тех пор как он заснул, этот громила только и делал, что повторял одно и то же. Что это вообще значит? Он пытается его убить или просто хочет, чтобы зверёк наконец всё выbleвал, а потом можно было снова кормить его и любоваться?

Хватит уже, братец. Может, пойдём обратно? Ему правда очень плохо.

Когда именно закончилась эта адская прогулка, Цзян Тан не знал. Всё это время он только и делал, что боролся с подступающей тошнотой. В конце концов пища доставалась нелегко. Вытошнишь — значит, потеряешь. А кто знает, когда прекрасный мужчина в следующий раз собьёт ему с дерева плоды?

Когда Сян Син, наконец удовлетворённый, показал Цзян Тану всю долину Тяньбэй, зверька вернули к тому уютному, светлому, доброму большому плодovому дереву.

Сян Син опустил ладонь к земле, давая ему слезть. Потом ещё раз с лёгкой тоской посмотрел на гору красных плодов и махнул рукой:

— Сяо Бай, я пошёл.

Цзян Тан примерно понял смысл и махнул хвостом в ответ: да-да, брат, иди уже скорее.

— Сяо Бай... нравится, — в памяти Сян Сина будто сохранилось, что когда-то он держал собаку. Пусть Сяо Бай и был не собакой, но собаки, кажется, радостно виляют хвостом, когда счастливы. Именно так сейчас делал Сяо Бай. Сердце Сян Сина переполняла радость. Сегодня он не только снова посмотрел, как Сяо Бай ест, но и показал ему красивое место. Если тому понравилось, то в следующий раз, стоит подвернуться случаю, он опять тайком придёт и поведёт его гулять.

Если бы Цзян Тан знал, о чём думает Сян Син, он бы немедленно прекратил сдерживать рвоту и вывалил бы всё прямо ему в лицо.

Довольный громила легко зашагал назад. Даже звон цепей звучал сейчас куда веселее, чем прежде.

Вернувшись к Фу Линцзюню, он принёс с собой тонкий сладковатый запах.

Фу Линцзюнь неторопливо открыл глаза.

— Где ты был? — голос его звучал, как обычно, спокойно, но Сян Син, прожив рядом с ним

тысячи лет, сразу понял: хозяин сердится.

Он осторожно взглянул на Фу Линцзюня и тут же растерялся, не зная, куда девать руки и ноги. В итоге принялся только мять пальцами чёрную цепь у пояса и виновато пробормотал:

— Хозяин... Сяо Бай... весело.

— Сяо Бай? — у Фу Линцзюня перед глазами невольно возник тот самый белый липучий комочек, и уголок его губ едва заметно дрогнул. — Та глупая собака? Что в ней такого весёлого?

Сян Сину очень хотелось сказать, что Сяо Бай — вовсе не собака и совсем не глупый. Но он не посмел, только опустил голову и признал вину:

— Хозяин... Сян Син... виноват.

Эта его привычка выбрасывать слова по два за раз так и не исчезла за все эти тысячелетия. Обычно Фу Линцзюнь, когда ему становилось скучно, ещё мог поддразнить его. Но сейчас ему не хотелось. Он сам того не желая снова вспомнил нахального зверька.

Белый, мягкий, тёплый при прикосновении. Молочные зубки, которыми он едва ли мог даже кожу прокусить. И всё же странно милый.

Только шерсть грязновата. Если бы его вымыть, наверняка было бы приятно на него смотреть.

Губы Фу Линцзюня сами собой изогнулись. Видимо, он представил, насколько гладкой и приятной на ощупь должна быть эта белая пушистая шерсть. Но почти сразу улыбка исчезла.

— Больше не ходи, — сказал он.

Кто знает, какие тайны скрываются за этим случайным вторжением в запечатанную землю.

Сян Син жалобно понурился, но возражать не посмел и только ещё ниже опустил голову.

* * *

Цзэян. Тяньвэньхай.

Сегодня Сун Юнчжэн принимал почётного гостя.

И этим гостем был Линь Шицзе, лекарь-бессмертный из секты Хуаньюнь — сильнейшей лекарской секты в мире. Одетый в белое, с белыми волосами, он казался существом из иного мира. Сейчас он сидел напротив Сун Юнчжэна с холодноватой, отстранённой улыбкой.

— Ранее глава семьи Сун прислал мне духовное послание, сказав, что оставит на моё усмотрение уникальнейшее сокровище. Где сейчас эта вещь?

Он уже несколько сотен лет оставался на стадии Возвышения как лекарь-бессмертный и никак не мог совершить прорыв. Путь лекаря куда труднее пути обычного даосского практика. Подлинные сокровища мира встречаются редко и достаются только по счастливому случаю. Именно поэтому он и согласился приехать в Тяньвэньхай: его соблазнила та самая бесценная вещь, о которой говорил Сун Юнчжэн.

Лицо Сун Юнчжэна на миг застыло, и он натянуто произнёс:

— Вчера в Тяньвэньхае произошло нарушение, и эта вещь сбежала...

<http://bllate.org/book/17032/1599345>